

Научно-теоретическая статья

УДК 1:504; 504.06

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-127-137

ЦЕЛЕПОЛАГАЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФИИ ЭКОМЕНЕДЖМЕНТА

Андрей Вадимович Юрко

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия,
yurkoandrey@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается философия экомеджмента как особая форма целеполагания, переопределяющая содержание и логику управления через соотношение целей деятельности с задачей сохранения природно-культурных оснований человеческого бытия. Проблема исследования заключается в выявлении мировоззренческих ограничений технократического подхода к управлению, редуцирующего критерии эффективности к краткосрочным экономическим показателям и игнорирующего долгосрочные условия воспроизводства жизни. Цель работы — обосновать социально-философский статус экомеджмента как жизнесохраняющей стратегии управления и показать его значение в контексте современных экологических и цивилизационных вызовов. Методология исследования включает экофилософскую перспективу (основанную на системном мышлении, принципах экорациональности, жизнесохранения и экологической ответственности) как нормативную базу управленческой деятельности. Показано, что экомеджмент выступает не только как совокупность управленческих инструментов, но и как особый тип рациональности, задающий новые критерии целеполагания, оценки эффективности и институционального развития. Делается вывод о необходимости интеграции экорациональных принципов в стратегии социального развития и практики публичного и корпоративного управления.

Ключевые слова: экомеджмент, философия управления, целеполагание, экологическая ответственность, экорациональность, системное мышление, стратегии развития, ноосферный город

Для цитирования: Юрко А. В. Целеполагающие стратегии философии экомеджмента // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 2 (58). С. 127–137. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-127-137>

Scientific and theoretical article

UDC 1:504; 504.06

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-127-137

GOAL-SETTING STRATEGIES OF THE PHILOSOPHY OF ECO-MANAGEMENT

Andrey V. Yurko

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia,
yurkoandrey@gmail.com

Abstract. The article examines the philosophy of eco-management as a specific form of goal-setting that redefines the content and logic of governance by correlating the aims of human activity with the preservation of the natural and cultural foundations of human existence. The research problem lies in identifying the worldview limitations of the technocratic approach to management, which reduces efficiency criteria to short-term economic indicators and neglects the long-term conditions for the reproduction of life. The aim of the study is to substantiate the socio-philosophical status of eco-management as a life-preserving strategy of governance and to demonstrate its relevance in the context of contemporary environmental and civilizational challenges. The methodological framework combines an eco-philosophical perspective based on the principles of eco-rationality and life-preservation, systems thinking, and the principle of ecological responsibility as a normative foundation of managerial activity. The results show that eco-management should be understood not merely as a set of managerial tools but as a distinct type of rationality that establishes new criteria for goal-setting, performance evaluation, and institutional development. The study concludes that the integration of eco-rational principles into social development strategies and both public and corporate governance practices is a necessary condition for sustainable transformation.

Keywords: eco-management, philosophy of governance, goal-setting, ecological responsibility, ecorationality, systems thinking, development strategies, noospheric city

For citation: Yurko, A. V. (2026). Goal-setting strategies of the philosophy of eco-management. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (2 (58)), 127–137. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-127-137>

Введение

В философии экоманеджмента центральным становится не вопрос о том, какие именно отдельные управленческие решения рефлексированы в области экологии и какие соответствующие мероприятия проводятся. Приобретает особую важность проблематизация всего философско-управленческого поля в контексте целей, которые имеют основания для признания их рациональными в эпоху экологических и цивилизационных рисков. В этой связи ориентир на принцип экологической ответственности становится

одним из основных, так как он включает не только учет последствий принятых решений, но и изменение самой архитектуры целеполагания. Речь идет о «формировании обновленного мировидения субъекта управленческой деятельности и его целеполагающих установок» [Юрко, Принцип экологической ответственности..., 2025, с. 270]. Это важно подчеркнуть, поскольку философия экоменеджмента начинается там, где меняется не техника управления, а мировидение, задающее границы допустимого и желаемого. Современные управленческие практики демонстрируют противоречие между декларируемыми целями устойчивого развития и реальной логикой институционального поведения, ориентированного на краткосрочные показатели. Это противоречие указывает на необходимость философского анализа не отдельных экологических инструментов, а самой структуры целеполагания, определяющей поведение управляемых систем.

Проблема целеполагания в экоменеджменте

Философская проблематизация целеполагания позволяет увидеть, что цель — это не просто формулировка результата, а культурно-нормативный механизм, превращающий мир в объект действия и одновременно формирующий субъекта действия. В экофилософском анализе целеполагания показано, что «целеполагание — исходный и основной момент в определении смысло-жизненных позиций» [Баркова, 2019, с. 124]. Следовательно, целеполагание в экоменеджменте нельзя редуцировать к простой линейной схеме «цель → показатель → КРІ (Key Performance Indicators, ключевые показатели эффективности)»: оно есть выбор смысла, выбор меры, выбор горизонта будущего и тем самым выбор типа человека и типа общества, которые воспроизводятся управленческими решениями.

Отсюда вытекает специфический предмет настоящего исследования: целеполагающие стратегии философии экоменеджмента. Под стратегией здесь понимается не план действий и не набор инструментов, а философско-методологическая установка, определяющая: во-первых, онтологическую картину управляемой реальности (что считается реальным и значимым); во-вторых, антропологический образ субъекта управления (какой субъект способен удерживать цель); в-третьих, этическую норму допустимости целей (что нельзя оправдать даже эффективностью); в-четвертых, системную логику перехода от целей к институтам (какие правила, процедуры и формы ответственности требуется ввести). С позиции философии управления это означает, что экоменеджмент является особой формой мышления и деятельности, где целеполагание становится способом охраны условий бытия, а не только способом мобилизации ресурсов.

В этом ключе экоменеджмент требует переопределения самой сущности управления. В одном из авторских текстов управление описывается не как механика процедур, а как «жизнесохраняющий способ мышления и деятельности»

[Юрко, Экофилософия менеджмента..., 2025, с. 99]. Здесь формулируется принципиальный тезис: управленческая цель должна быть совместима с сохранением жизни — биосферной, культурной, социальной, — иначе она утрачивает рациональность в философском смысле (как соразмерность целого и части, средства и основания, настоящего и будущего). Поэтому субъект экоменеджмента мыслит не только в горизонте эффективности, но и в горизонте меры: он способен «мыслить... в категориях соразмерности, ответственности и устойчивости» [Юрко, Экофилософия менеджмента..., 2025, с. 99]. Экоменеджмент, следовательно, не добавляет к управлению автономного экокомпонента; он меняет критерий разумности цели.

Говоря философским языком, это означает переход от инструментальной рациональности к экорациональности. В экофилософской монографии Э. В. Барковой предложена ключевая дефиниция: «Этот тип рациональности мы и называем экорациональностью» [Баркова, 2020, с. 7]. Однако понятие важно не само по себе, а как основание целеполагания: экорациональность связывает управленческие цели с ответственностью за судьбу человека и мира; она фиксирует необходимость ориентации «на позицию ответственности... и защиту жизни своей Земли» [Баркова, 2020, с. 7]. Это и задает онтологический сдвиг: мир мыслится не как внешний ресурс, а как целостность, внутри которой управление либо поддерживает жизненные основания, либо разрушает их. Внутри такой онтологии экономический рост перестает автоматически быть высшей целью: он становится допустимым лишь в тех формах, которые не подрывают биосферных и культурных условий воспроизводства.

Системное измерение целеполагания усиливает этот вывод. В системной теории подчеркивается, что «наименее очевидная часть системы — ее функция или цель — часто является наиболее важным детерминантом поведения системы» [Meadows, 2008, с. 17]. Иначе говоря, действия организаций, городов и экономик в конечном счете определяется их целью: если цель — наращивание оборота любой ценой, то экологические программы становятся внешним декором, а не внутренней нормой, если же цель — качество жизни и устойчивость среды, то экологическое перестает быть отдельной сферой и превращается в меру всех решений. Поэтому философия экоменеджмента должна рассматриваться как теория переустановки целей систем: она работает с телосом управления, а не только с его методами.

Социально-философский диагноз рисков добавляет принципиально важный аспект: цели управления не нейтральны к социальной структуре, потому что последствия распределяются неравномерно. В теории рисков общества отмечено, что риски удерживают классовую логику «лишь в обратном порядке: богатство накапливается наверху, риски — внизу» [Beck, 1992, с. 35]. Для экоменеджмента этот тезис имеет практическое следствие: целеполагание обязано включать критерий риск-справедливости, то есть недопустимости такого развития, при котором экологические издержки концентрируются у уязвимых групп, а выгоды — у сильных. Значит, цели экоменеджмента должны быть

социально развернуты: они относятся не только к природе, но и к справедливости распределения защиты, доступа к здоровой среде, возможности участия в решениях.

Наконец, экономико-философский предел роста и ресурсной емкости мира требует включения физических параметров в целеполагание. В концепции стационарной экономики дано определение, принципиально важное для управленческой философии: «стационарная экономика... есть экономика с постоянными запасами людей и артефактов» [Daly, 1997, с. 17]. Эта формулировка фиксирует ключевую идею: экономика — подсистема биосферы, следовательно, цели развития должны быть согласованы с ограничениями материально-энергетических потоков, иначе управление по определению становится разрушительным. В прикладной логике экоманеджмента это означает, что цели должны формулироваться так, чтобы стоимость решения включала физические последствия, а не только финансовый результат.

Выделение целеполагающих стратегий философии экоманеджмента

Исходя из этого теоретического контура, целеполагающие стратегии философии экоманеджмента могут быть определены как восемь взаимосвязанных установок.

Их выделение носит не произвольный, а методологически обусловленный характер: каждая стратегия отражает определенное измерение управления — онтологическое, антропологическое, этическое, институциональное и социальное. В совокупности они образуют целостную модель философского переопределения целей, в которой сохраняется системная связность и нормативная определенность.

Первая стратегия — жизнесохранительная (онтологически-антропологическая). Ее смысл заключается в признании сохранения жизненных оснований (биосфера, здоровье, культурная среда) как предельного критерия доступности целей. В философии города это выражено предельно ясно: «Их главная цель... — сохранение... пространства Жизни» [Баркова, 2025, с. 7]. В логике экоманеджмента данная стратегия трансформирует целеполагание организаций и территорий: приоритет получают цели снижения экологической нагрузки, защиты здоровья, предотвращения деградации среды, а показатели экономической эффективности становятся подчиненными и ограниченными. Практическое следствие для России заключается в том, что стратегии развития регионов и городов должны формально закреплять жизненные индикаторы (здоровье, экологическое качество, доступность природных благ) как равноправные целевые параметры наряду с экономическими.

Вторая стратегия — экорациональная (методологическая). Она задает тип рациональности, в которой разумность цели проверяется не только логикой

выгоды, но и логикой соразмерности и ответственности. Экорациональность как тип рациональности прямо связывает целеполагание с ответственностью за жизнь [Баркова, 2020, с. 7]. Практически это означает, что при разработке программ и проектов требуется не только расчет эффективности, но и философско-нормативная экспертиза цели: соотносится ли она с сохранением культурной и природной целостности? Здесь особенно важна переоценка успеха: успех управленца определяется не только достижением показателя, но и сохранением условий, делающих показатель возможным (здоровье работников, устойчивость территорий, экологическая способность среды выдерживать нагрузку).

Третья стратегия — коэволюционная (онтологическая и этическая). Ее смысл — перевод цели с победы над природой на партнерство человека и природных систем. Эта установка предохраняет целеполагание от скрытого антропоцентризма: если природа мыслится как ресурс, то даже экологические цели могут служить лишь поддержанию ее эксплуатации. Коэволюционная стратегия фиксирует: задача управления не изъятие максимума, а достижение устойчивой совместимости человеческих практик и природных циклов. В российском контексте данная стратегия требует, чтобы в программе индустриального и инфраструктурного развития на равных присутствовали цели восстановления экосистем, компенсации ущерба, ограничения нагрузки и сохранения биоразнообразия (не как приложение, а как условие допустимости проекта).

Четвертая стратегия — системно-целевая (системное мышление и изменение цели системы). Исходная посылка: цель системы — наиболее мощный детерминант ее поведения [Meadows, 2008, с. 17]. Поэтому экоменеджмент должен работать с целями на уровне дизайна систем, а не только с мероприятиями. Практически это означает: если корпоративная цель формулируется как рост прибыли любой ценой, экологические отделы будут компенсаторными; если цель включает сохранение среды как внутреннее условие, меняются инвестиционные решения, технологические траектории и политика закупок. Для России важный институт здесь — стратегическое планирование организаций и территорий. Требуется внедрять процедуру экологической проверки цели на ранней стадии, до выбора средств (иначе экологичность будет подгонкой задним числом).

Пятая стратегия — институционально-ответственная (философия экономики и нормативная архитектура управления). Она направлена на превращение ответственности из дискурсивного лозунга в институт, встроенный в стоимость, процедуры и отчетность. В авторской работе это выражено в конкретной формуле: «принцип экологической ответственности предполагает интеграцию экологических издержек в стоимость продукции и услуг» [Юрко, Принцип экологической ответственности..., 2025, с. 270]. Это ядро институционального целеполагания: пока экологические издержки вытеснены, цели управления неизбежно будут игнорировать разрушение среды. Для России практическое следствие заключается в развитии норм и корпоративных процедур внутренней оценки экозатрат (включая жизненный цикл продукции), привязке инвестиционных решений к показателям воздействия, усилении

управленческой ответственности за экологические риски на уровне советов директоров и региональных программ.

Шестая стратегия — риск-справедливая (социально-философская). Ее смысл — включение в целеполагание измерения распределения рисков и выгод. Если «богатство накапливается наверху, риски — внизу» [Beck, 1992, с. 35], то управление, игнорирующее этот факт, будет воспроизводить экологическое неравенство и социальную напряженность. В экоменеджменте эта стратегия означает проведение социально-экологической оценки проектов (с указанием, кто несет ответственность риск), приоритет снижения рисков для уязвимых групп и институциональное участие населения в решениях, где есть экологические последствия. Для российской практики это означает необходимость закреплять в городских и региональных стратегиях показатели экологической справедливости: качество воздуха/воды по районам, доступ к зеленым зонам, распределение промышленных нагрузок, механизмы компенсации.

Седьмая стратегия — солидарно-партиципативная (социокультурная). Она исходит из того, что цели устойчивого развития не реализуются в режиме административной команды, если отсутствует солидарность и смысловая поддержка общества. Экофилософия в проектировании города формулирует это как задачу смены смыслового центра: она «призвана сместить центр смыслов... к всеобщему благосостоянию живых систем и экосферы» [Майснер, 2025, с. 32]. Для экоменеджмента это означает, что цель устойчивости требует процедур включения (общественные обсуждения, совместное проектирование, механизмы обратной связи), иначе цели останутся внешними и не будут поддержаны культурно. Для современной России это практически выражается в развитии партиципативных механизмов городской политики, прозрачности экологических данных, включении профессиональных сообществ и жителей в обсуждение проектов, влияющих на среду.

Восьмая стратегия — образовательно-воспроизводящая (антропологическая). Она фиксирует, что целеполагание требует субъекта, способного удерживать долгий горизонт, системную связность и этическую норму. Следовательно, экоменеджмент должен воспроизводить такого субъекта через образование. В педагогическом контексте подчеркивается: «в условиях нарастающих экологических рисков и глобальных вызовов возрастает роль формирования экологической ответственности» [Джумагазиева, 2025, с. 74]. В управленческом измерении это означает, что без образовательных модулей по экофилософии, системному мышлению, экологической этике и риск-справедливости цели устойчивого развития будут восприниматься как внешняя повестка, а не как критерий профессионализма. Для России стратегически важно формировать у управленцев следующие компетенции: системную диагностику целей, сценарное мышление, оценку последствий полного жизненного цикла, способность к партиципативному управлению.

Суммарно эти стратегии задают философскую матрицу целей экоменеджмента и показывают, что экоменеджмент является не отраслевой практикой,

а способом культурно-нормативной перестройки управления. При этом стратегии не конкурируют, а образуют целостный комплекс: жизнесохранение задает предельный критерий, экорациональность задает тип разумности, коэволюция задает онтологический формат отношений, системная стратегия задает метод изменения поведения систем, институциональная стратегия переводит ответственность в правила и стоимость, риск-справедливость удерживает социальную меру, солидарность обеспечивает культурную реализуемость целей, а образование воспроизводит субъектность управления нового типа.

Практическая реализация целеполагающих стратегий

В прикладной плоскости для России реализация целеполагающих стратегий означает необходимость синхронизации четырех контуров внедрения:

- образование управленцев;
- городская политика и территориальное планирование;
- корпоративное управление и экономическая оценка издержек;
- оценка и управление рисками.

Если хотя бы один контур выпадает, возникает типичный эффект декоративной экологизации: формально цели заявлены, но системное поведение не меняется, потому что цель системы не переопределена [Meadows, 2008, с. 17], а ответственность не встроена в институты [Юрко, Принцип экологической ответственности..., 2025, с. 270].

Для практической реализации целеполагающих стратегий целесообразно задать конкретные ориентиры. В образовании управленцев — внедрение обязательных дисциплин по экофилософии и системному мышлению, где управление рассматривается как «жизнесохраняющий способ мышления» [Юрко, Экофилософия менеджмента, 2025, с. 99], а целеполагание — как выбор смысло-жизненных позиций [Баркова, 2019, с. 124]; это должно сопровождаться проектной работой (карты заинтересованных сторон, модели причинно-следственных связей, анализ целей системы). В городской политике — переход от озеленения как украшения к целевому переопределению качества городской жизни (здоровье, экологическая безопасность, доступность природы), поскольку стратегический горизонт города в экофилософии фиксируется через цели сохранения «пространства Жизни» [Баркова, 2025, с. 7]. В корпоративном управлении — введение внутренних стандартов оценки экологических издержек и рисков, поскольку экологическая ответственность предполагает включение экозатрат в стоимость и решения [Юрко, Принцип экологической ответственности..., 2025, с. 270]; это дополняется установлением порогов допустимости (например, пределы выбросов/сбросов в цепочке поставок). В оценке рисков — обязательный учет социальной неравномерности распределения угроз [Beck, 1992, с. 35], введение процедур экосоциальной экспертизы проектов и механизмов компенсации.

В перспективе философия экоменеджмента может стать одним из ключевых методологических ресурсов стратегий развития современной России именно потому, что она позволяет согласовать технологический и экономический прогресс с предельными условиями биосферы и культурной судьбой человека. Целеполагание здесь выступает как узел перехода: изменяя цели, общество изменяет поведение систем; удерживая цели в горизонте жизни, общество удерживает возможность будущего. Именно поэтому в философии урбоэкологии подчеркивается, что «Центр... это ясно сформулированные цели Жизни и расцвета его культуры» [Баркова, 2025, с. 14]. Экоменеджмент как целеполагание в конечном счете означает, что развитие мыслится не как сумма проектов, а как сохранение и расширение пространства жизни, человеческой природы и культуры.

Заключение

Научная новизна проведенного анализа заключается в концептуализации экоменеджмента как формы философского целеполагания, в рамках которой управление переосмысливается не как инструмент достижения внешних показателей, а как нормативно ограниченная деятельность по сохранению условий бытия. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении категории эко-рациональности как основания управленческой рациональности нового типа, а практическая — в формулировании стратегических ориентиров для образовательной, городской и корпоративной политики современной России. Тем самым философия экоменеджмента выступает не как отраслевое направление, а как методологический ресурс долгосрочного цивилизационного развития.

Список источников

1. Юрко А. В. Принцип экологической ответственности в развитии философии экономики и экоменеджмента // *Право и практика*. 2025. № 1. С. 269–273. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2025-1-269-273>
2. Баркова Э. В. Целеполагание как форма освоения универсальной эволюции: экофилософский аспект // *Социально-гуманитарное знание*. 2019. № 9. С. 124–131.
3. Юрко А. В. Экофилософия менеджмента — мировоззренческая основа проекта ноосферного города и мировоззрения его субъекта // *Экофилософия в проектировании ноосферного города: коллективная монография по итогам Четвертого Всероссийского Круглого стола (с международным участием) 16 мая 2025 года / под ред. Э. В. Барковой, О. М. Бузской*. М.: Русайнс, 2025. С. 99–106.
4. Баркова Э. В. Экорациональность в освоении целостности бытия. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2020. 130 с.
5. Meadows D. H. *Thinking in systems: a primer*. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2008. 218 p.
6. Beck U. *Risk society: towards a new modernity*. London: SAGE Publications, 1992. 260 p.
7. Daly H. E. *Steady-state economics*. Washington, DC: Island Press, 1991. 297 p.

8. Баркова Э. В. Философия урбоэкологии в проектировании многомерного пространства ноосферного города // *Экофилософия в проектировании ноосферного города: коллективная монография по итогам Четвертого Всероссийского Круглого стола (с международным участием) 16 мая 2025 года / под ред. Э. В. Барковой, О. М. Бузской.* М.: Русайнс, 2025. С. 7–21.

9. Майснер Т. Н. Экофилософские основы и принципы экоградопланирования и роль социальной солидарности в проектировании ноосферного города (практические примеры) // *Экофилософия в проектировании ноосферного города: коллективная монография по итогам Четвертого Всероссийского Круглого стола (с международным участием) 16 мая 2025 года / под ред. Э. В. Барковой, О. М. Бузской.* М.: Русайнс, 2025. С. 32–38.

10. Джумагазиева А. К. Ноосферный подход как основа формирования экологической ответственности будущих учителей // *Экофилософия в проектировании ноосферного города: коллективная монография по итогам Четвертого Всероссийского Круглого стола (с международным участием) 16 мая 2025 года / под ред. Э. В. Барковой, О. М. Бузской.* М.: Русайнс, 2025. С. 74–79.

References

1. Yurko, A. V. (2025). The principle of environmental responsibility in the development of the philosophy of economics and environmental management. *Law and practice*, (1), 269–273. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2025-1-269-273> (In Russian).

2. Barkova, E. V. (2019). Goal-setting as a form of mastering universal evolution: an eco-philosophical aspect. *Social and Humanitarian Knowledge*, (9), 124–132. (In Russian).

3. Yurko, A. V. (2025). Ecophilosophy of management — the worldview basis of the noospheric city project and the worldview of its subject. In *Ecophilosophy in the design of the noospheric city: a collective monograph based on the results of the Fourth All-Russian round table (with international participation) on May 16, 2025* (E. V. Barkova, O. M. Buzskaya, Ed.; pp. 99–106). Rusayns. (In Russian).

4. Barkova, E. V. (2020). *Ecological rationality in the development of the integrity of being*. Volgograd: Volgograd State University Publishing House, 2020. 130 p. (In Russian).

5. Meadows, D. H. (2008). *Thinking in systems: a primer*. Chelsea Green Publishing.

6. Beck, U. (1992). *Risk society: towards a new modernity*. SAGE Publications.

7. Daly, H. E. (1991). *Steady-state economics*. Island Press.

8. Barkova, E. V. (2025). The Philosophy of urban ecology in the design of a multidimensional space of a noospheric city. In *Ecophilosophy in the design of the noospheric city: a collective monograph based on the results of the Fourth All-Russian round table (with international participation) on May 16, 2025* (E. V. Barkova, O. M. Buzskaya, Ed.; pp. 7–21). Rusayns. (In Russian).

9. Maysner, T. N. (2025). Ecophilosophical Foundations and Principles of Ecological Urban Planning and the Role of Social Solidarity in the Design of a Noospheric City (Practical Examples). In *Ecophilosophy in the design of the noospheric city: a collective monograph based on the results of the Fourth All-Russian round table (with international participation) on May 16, 2025* (E. V. Barkova, O. M. Buzskaya, Ed.; pp. 32–38). Rusayns. (In Russian).

10. Dzhumagazieva, A. K. (2025). The noospheric approach as the basis for the formation of environmental responsibility of future teachers. In *Ecophilosophy in the design of the noospheric city: a collective monograph based on the results of the Fourth All-Russian round table (with international participation) on May 16, 2025* (E. V. Barkova, O. M. Buzskaya, Ed.; pp. 74–79). Rusayns. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Андрей Вадимович Юрко — аспирант кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Andrey V. Yurko — Postgraduate Student of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

yurkoandrey@gmail.com